

И. В. Курышев

Повстанческий террор в период Западно-Сибирского восстания 1921 года

Изучение массовой психологии насилия, агрессии и террора, сопровождавшихся существенными деструктивными последствиями, дегуманизацией общественных отношений, приобретает особую актуальность. Вспыхнувшее в конце января 1921 г. в Западной Сибири восстание отличали масштабные и изощренные формы жестокого крестьянского насилия, стихийного повстанческого террора против представителей советской власти на местах, коммунистов, сотрудников продовольственных органов, милиции. В сборниках документов, исследованиях, публицистике, начиная с 1920-х годов, опубликованы в целом репрезентативные свидетельства антикоммунистического террора 1921 г.¹ Так, председатель Тюменской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией П. И. Студитов в докладе от 5 апреля 1921 г. одним из первых рассматривал «зверства народной власти». Общее количество жертв повстанческого террора он, явно преувеличив, с политической ангажированностью оценивал в 10 тыс. чел.²

Воссоздание объективной, достоверной картины повстанческого движения периода военного коммунизма и таких его малоизученных аспектов, как репрессивно-террористическая деятельность против представителей советской власти в Западной Сибири, требует всестороннего рассмотрения, тем более что в перестроечный и постперестроечный период появились работы ряда региональных историков и краеведов, идеализировавших антикоммунистическое повстанчество и его лидеров³.

Источниковую базу статьи составили не введенная ранее в научный оборот делопроизводственная

**Курышев
Игорь Владимирович**
канд. ист. наук,
доц., Ишимский
педагогический
институт им.
П. П. Ершова —
филиал Тюменского
государственного
университета (Ишим,
Россия)

документация из региональных архивов, материалы судебно-следственных дел, в том числе Ишимского окружного отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), уездной прокуратуры, материалы региональной периодической, военной печати, воспоминания очевидцев трагических событий 1921 г. и др. Подчеркнем, что целью работы является изучение прежде всего социально-психологических аспектов истории повстанческого террора, а не определение его точных масштабов, жертв и потерь. К сожалению, до нас практически не дошли сколько-нибудь значимые документы повстанцев, которые проливали бы свет на изучение их деструктивной деятельности. Повстанческая газета «Голос Народной армии», издававшаяся в Тобольске с 27 февраля 1921 г., писала только о зверствах красных. Разумеется, источники, имевшие отношение к деятельности советского руководства, коммунистической идеологии, в известной степени ангажированы, не лишены односторонности и преувеличений; в силу утраты значительной части архивных документов начала 1920-х годов, особенно на уровне волостей, далеко не всегда возможно осуществление внутренней критики источников.

В статье отнюдь не случайно использованы материалы советской уездной периодической печати. На наш взгляд, А. Л. Посадсков и Л. А. Гильди справедливо полагали, что уездные газеты в регионе «были исключительно крестьянскими... наиболее полно и оперативно отражали местную жизнь»⁴.

Согласно теории относительной депривации, ощущение чувства недовольства, усиливающееся противоречие между потребностями и возможностями их удовлетворения приводят к стрессу, агрессии, протестным устремлениям личности, а отсюда и к появлению протестных движений. Резкое ухудшение социального положения крестьянских масс, доведенных до отчаяния жесткими, репрессивными мерами местных властей в период военного коммунизма, наиболее ярко проявилось в Ишимском уезде Тюменской губернии, ставшем закономерно одним из эпицентров Западно-Сибирского восстания 1921 г. Существенное снижение социального статуса и материального положения крестьян привело к росту негативных массовых настроений в его среде, что выражалось в росте протестного насилия.

18 февраля 1921 г. в разгар восстания по инициативе Сибревкома и участвовавшего в разгроме мятежа комбрига Н. Н. Рахманова в г. Ишиме было созвано совещание крестьян Ишимского уезда с целью выявления истинных причин протестных выступлений, а также урегулирования социальных конфликтов между властью и крестьянством. На совещание прибыли 168 крестьянских делегатов от 10 волостей с правом совещательного голоса. Присутствовавший на совещании от Тюменского губисполкома военный комиссар П. М. Хрусталеv убеждал собравшихся крестьян: «Крестьянин дорог для Советской России: она не хочет тех жертв, которых уже имеется около 3000 чел.»⁵. Крестьяне, в свою очередь, возмущались царившим произволом при осуществлении продразверстки, беззаконием со стороны сотрудников продовольственных органов, преступной халатностью при хранении отобранного семенного хлеба. Вот лишь некоторые выдержки из бурных выступлений крестьянских делегатов:

Шохин: Продработники, которые у нас были на продразверстке, поступали очень грубо, как, например, Соколов. Едовой хлеб в Абатской волости забрали весь, забрали и семенной. Сырой смешивался с сухим. Смешивались различные сорта пшеницы. <...> Пайка в 24 фунта очень недостаточно для трудового крестьянства. <...> Просят гуся, курицу, яиц, а кормить их нечем. Молодняк скот поддержать тоже нечем, так как молоко идет в разверстку. Шерсть забрали, пимокатов забрали, кожи забрали, остались все босые. Это и вызывает у нас скандалы. Крестьяне говорят: так и так помирать. Партийные забрали власть в свои руки и не дают разинуть рта беспартийным, не пускают жаловаться. Партийных все боятся⁶.

Жуков: Нашу волость обагрили кровью. Нас подвели кулаки и белогвардейцы. В деревне недовольны коммунистами, но я скажу, что это отчасти справедливо. В их ряды замешались известные деревне контрреволюционеры и командуют нами, и подрывают власть. Накладывали на нас различные разверстки — мы терпели, но когда увидели, что ссыпка производится бесхозяйственными способами, крестьяне начали волноваться⁷.

На совещании народных судей и следователей Ишимского уезда 18 марта 1921 г. были названы аналогичные причины, вызвавшие восстание: вывоз семенного хлеба, преступная халатность при ссыпке и хранении семенного хлеба, произвол, беззаконие, неоправданные репрессии со стороны продовольственных работников и других представителей коммунистической власти в деревнях Приишимья. Так, народный судья Шильчак отмечал, что был вывезен как продовольственный, так и весь семенной хлеб. Коммунистический отряд Лушников и Лауриса установил террор; разъезжая по селу и расстреливая всех, у кого были чужие крестьяне⁸. Повстанческое движение по мере своего усиления быстро утрачивало свойственные ему первоначально черты легитимности; восставшие крестьяне все чаще прибегали к жестокости и насилию.

Именно в Тюменской губернии, особенно в Ишимском уезде, деформации и искажения политики военного коммунизма, помноженные на злоупотребления, а то и собственно преступные действия со стороны местных властей, продовольственных работников, проявились в наиболее концентрированном виде, сталкиваясь с отчаянным сопротивлением частнособственной психологии зажиточного крестьянства. По справедливому мнению В. И. Шишкина, «разнообразие форм, а также концентрация произвола и насилия, осуществлявшегося в Ишимском уезде в конце 1920 — начале 1921 г. по государственной линии и по “личной инициативе” разного рода партийно-советских функционеров, были для местного населения невиданными»⁹. Все эти обстоятельства порождали активные протестные настроения, чувство мести, сублимируя различные формы агрессии и насилия.

В. Л. Дьячков считает, что весьма малые возможности положительной сублимации массовой индивидуальной и социальной деревенской агрессии способствовали возникновению уголовной психопатологии, социального бандитизма¹⁰.

Для расправы над советскими работниками и сочувствующими советской власти крестьянами повстанцы создавали следственные комиссии с функциями полевого суда. Во время существования повстанческого полевого суда только в пределах Ишимского уезда Тюменской губернии в течение двух недель февраля 1921 г. было расстреляно и замучено 375 сторонников советской власти¹¹.

Наиболее жестоким, кровавым пыткам и расправам подвергались партийные и советские работники на местах, сотрудники продовольственных органов, милиции. Факты и обстоятельства их страшной гибели свидетельствуют о том, что эти убийства совершали люди с ярко выраженными чертами психопатологии, наклонностями к садизму. Так, по свидетельству родных, на теле Е. Т. Крымова, начальника Ильинской волостной милиции, убитого повстанцами, насчитывалось не менее 37 колотых ран. Пешней ему прокололи гортань, а затем погрузили голову в прорубь¹². При осмотре трупов узников тобольской тюрьмы, замученных повстанцами, 18 апреля 1921 г. врачебная комиссия на некоторых из них обнаружила до 150 колотых ран¹³.

По воспоминаниям крестьянина села Сивково Частоозерского района Ишимского округа Бориса Петруничева, уполномоченного по сбору продразверстки Рыбака привели в сарай, где вверх ногами было поставлено несколько замученных трупов местных коммунистов. Тут же разрезали у него живот, вынули все внутренности, кроме сердца и легких, и начали кровавую огромную рану набивать различными продуктами, всячески издеваясь над беззащитным, в страшных мучениях умиравшим человеком. Поиздевавшись вдоволь, они выстрелом из нагана размозжили Рыбаку голову¹⁴. Подобные случаи неоднократно фиксировались в исторической литературе¹⁵.

Схожие формы садизма носили отнюдь не единичный характер, обнаруживались и в других регионах¹⁶. Один из очевидцев кровавых событий 1921 г. так описывал командира емуртлинских мятежников Феофана Боровкова, человека с характерными чертами палача, одержимого садистскими устремлениями по отношению к своим жертвам: «Рыжеватый мужик с сажеными плечами и кулачищами, как пудовые гири, Феофан Боровков много лет был мясником, привык к запаху крови. Убивать — было его главным влечением, процесс убийства доставлял Боровкову ни с чем несравнимое наслаждение. Он придумывал изуверские методы пыток и казней коммунистов, лично руководил, любясь мучениями жертв. <...> Ходил Боровков важно в окружении личной охраны из уголовников и именовал себя — Колчак второй»¹⁷.

Один из сельских корреспондентов села Аромашево Ишимского округа сообщал, что «палачей у бандитов было много». В качестве примера он называл некоего крестьянина деревни Вагино Аромашевской волости Ивана Коп-ва, который казнил людей, убивая их молотом весом в 20 фунтов. По словам корреспондента, сочувствующего коммунистам, Иван Коп-в убил 160 чел.¹⁸

Среди убитых повстанцами были и дети коммунистов. Преступники, совершавшие эти террористические акты, объясняли мотивы убийства так: «Уничтожим весь корень, а то когда вырастут, то такие же будут коммунисты, как их отцы, и нам будут мстить»¹⁹.

Террор повстанцев в Западной Сибири в 1921 г. был не просто жестоким, а откровенно садистским по отношению к представителям коммунистической власти, сопровождался применением пыток (выкалывание глаз, отрезание ушей и других органов, изуродование тела и лица, перебивание обухом топора ног), изнасилованиями женщин, многочисленными колотыми ранами, четвертованием, сжиганием членов земледельческих коммун, издевательствами над

трупам и т. д. Трагические последствия жестокого и неуправляемого, стихийного и эмоционального повстанческого террора искалечили многие человеческие судьбы. Большинство невинно пострадавших уездных и сельских коммунистов были людьми бедными (принадлежали к «пролетариям-беднякам»²⁰), вели довольно скромный, аскетический образ жизни, а дети и родственники после их гибели от рук мятежников владели жалкое, нищенское существование. В частности, о крайней нужде свидетельствует заявление 14-летнего секретаря комсомольской организации г. Петропавловска А. Я. Малышева²¹. Сельский коммунист из деревни Машково Сладковской волости П. И. Муха, также пострадавший от мятежников, сообщал в Ишимский уездный отдел соцобеспечения об отсутствии белья, обуви и зимней одежды в его семье²², и таких фактов множество²³.

Кровавый след повстанческого террора оставил незаживающие раны в памяти поколений на многие годы. В документальном очерке В. Ф. Долгих «Выстрел из прошлого», например, описываются случаи мести со стороны потомков пострадавших по отношению к бывшим карателям, убийцам, доносчикам спустя длительное время после восстания 1921 г. Межа кровавого противостояния, чувство ненависти между ними прошли через многие десятилетия. Так, в деревне Жидоусово Сорокинского района Тюменской области в начале 1970-х годов, через полвека после подавления крестьянского восстания, пожилой шофер, передовик социалистического соревнования, убил ударом гаечного ключа своего стажера и выбросил его из кабины машины на пашню. В ходе судебного расследования выяснилось, что дед пострадавшего, будучи секретарем сельского совета в 1921 г., составлял списки жителей — активных участников антикоммунистического восстания, и отец водителя впоследствии был расстрелян в тобольской тюрьме²⁴. Подобные факты отмечались и в других районах Тюменской области, некогда объятой пламенем малой гражданской войны и социальных потрясений в деревне.

Это обстоятельство не просто свидетельствует о крайне жестоких формах и методах гражданской войны в деревне, расколовшей ее на два враждебных, непримиримых лагеря, но и отражает серьезные деформации в духовно-нравственном облике некогда патриархального сибирского крестьянства, свидетельствует о всплеске архаичных, животных инстинктов и поведенческих импульсов. Так, Ишимская организация РКП(б), по уточненным данным, потеряла в 1921 г. убитыми от рук повстанцев и без вести пропавшими не менее 406 чел.²⁵ Один из организаторов и историков советской власти в Ишимском уезде, Т. Д. Корюшин, называл несколько завышенную цифру потерь уездной парторганизации в 500 чел.²⁶ Только в Орловской волости Ишимского уезда повстанцами было перебито предположительно 60 чел. партийных, крестьян и продработников²⁷. По данным Ишимского уездного политбюро, Орловская волость являлась сборным пунктом для арестованных коммунистов из других волостей; в частности, в селе Няшино этой волости было обнаружено 112 их трупов²⁸.

Особую ненависть и жестокость повстанцы проявили также по отношению к первым коллективным хозяйствам в деревне — коммунам и артелям. Льготы для коллективных хозяйств вызывали недоумение и неприятие у крестьян-единоличников, приверженцев индивидуалистической психологии, что, возможно,

и стало одной из причин жестокости, обрушившейся на коммунаров через год. В Ишимском уезде до начала повстанческого движения было организовано 25 коммун и 19 артелей, в которые вошло 3719 чел.²⁹ Корреспондент газеты «Серп и молот», выражая официальную оценку происходивших событий, осуждал ненависть кулачества в период восстания 1921 г. к коммунам, олицетворявшим достижения коллективного труда: «Звери в шкуре человека, носящие на шее крест — символ кротости и любви к ближнему, при уничтожении людей применяли такие варварско-дикарские приемы, которые язык отказывается назвать, а руки писать. Погибло 392 чел., в некоторых коммунах перебиты поголовно все члены. <...> Эти 392 чел. оставили на попечение других не одну сотню детей. Угнано до 600 голов крупного рогатого скота и лошадей, разграблено до девяти тысяч пудов хлеба. Грабилось и увозилось все, что только можно было и нужно, остальное ломалось и разбивалось»³⁰.

Жертвами мятежников стали 142 чел. из коммуны «Заря». В коммуне «Искра» Ишимского уезда в результате зверств мятежников погибли 43 чел., в том числе два грудных ребенка; были забиты до смерти сыновья организатора и первого председателя коммуны бедняка Л. Я. Гордеева — Василий (11 лет) и Федор (14 лет)³¹.

В Шатровской волости Ялуторовского уезда повстанцы совершили нападение на Шуравинскую коммуну «Путь к социализму»: увели скот, расхитили хлебные запасы. Из 43 коммунаров-мужчин 41 был умерщвлен, причем 13 сожжены заживо. Уцелели только двое — безногий инвалид и конюх О. С. Бородин, который отсутствовал в селе в момент нападения восставших крестьян³².

Чувства ненависти и мести по отношению к коммунистической власти и ее представителям на местах носили долговременный характер. В частности, Конон Кудрявцев, крестьянин дер. Карьково Пегановской волости, в ярости признавался в июне 1921 г.: «Нужно еще начать восстание и добить всех коммунистов: заставили сидеть голодом, и даже вот ехать не на чем, пообобрали всё проклятые»³³.

В марте 1930 г. Ишимский окружной отдел ОГПУ Уральской области в ходе следствия установил, что кулаки дер. Курмановки, Ворсихи и Козловки Сорокинского района в лице активных организаторов повстанческого движения 1921 г. М. С. Семенова, Г. Е. Долгих, Е. П. Козлова на почве классовой ненависти и мести в начале марта 1930 г. приступили к организации крупного повстанческого отряда, вынашивая планы с наступлением весны вновь поднять вооруженное восстание с целью свержения советской власти³⁴. В числе участников данного заговора, согласно обвинительному заключению, находился бывший участник восстания 1921 г., командир роты повстанцев Григорий Егорович Долгих, кулак дер. Ворсихи Сорокинского района Ишимского округа (за участие в восстании был осужден на три года). В 1921 г. по его распоряжению было расстреляно предположительно 20 красноармейцев³⁵.

Кулак этой же деревни, 33-летний Иван Егорович Решетников, будучи командиром отряда во время восстания 1921 г., расстреливал сочувствовавших советской власти и жестоко издевался над ними. В частности, по его распоря-

жению были убиты комиссары Орлов, Белов, Заворуев, три брата Рыбаковых, два брата Зенцовых, красный командир Девнин и политрук Мезенцев³⁶.

Участники повстанческой группировки дер. Курмановки, предварительно сговорившись, ворвались в сельсовет в три часа ночи и, захватив имевшееся в нем оружие, с криками «Бей коммунистов, возвращай высланных на Север, конец советской власти!» ринулись громить имущество колхоза и коммуны «Красный Урал», которое возбужденной толпой было расхищено. Одновременно было разграблено колхозное имущество в дер. Ворсиха и Козловка. Так, настроенная кулачеством беднота в дер. Козловке под руководством бывшего организатора повстанческого движения в 1921 г. Козлова с криками «Долой советскую власть, бей коммунистов!» растащила колхозное имущество. В дер. Ворсихе участники антисоветского выступления также разгромили колхозное имущество; местного кандидата в члены ВКП(б), пытавшегося успокоить разбушевавшуюся массу, избили³⁷. В течение двух дней в охваченных бунтом деревнях творилось безвластие.

Спад повстанческого движения в Западной Сибири сопровождался его неминуемой деградацией и вопиющей деморализацией, всплеском животных инстинктов. Так, остатки разгромленной в Петропавловском уезде 1-й Сибирской казачьей дивизии (границу перешли 1800 чел.³⁸), в которую влились небольшие разрозненные повстанческие отряды Петропавловского, Курганского, Ишимского и Кокчетавского уездов, спасаясь бегством в Сынцзян, ворвались 6 апреля 1921 г. и затем подвергли опустошительному разгрому небольшой уездный город Каркаралинск Семипалатинской губернии. Из тюрьмы освободили всех уголовников. Повстанцы жестоко расправились с местными коммунистами и сочувствующими им. По воспоминаниям Л. Е. Бортниковой, жены одного из погибших, их раздели донага и повели за город, подгоняя ударами шашек и штыков. За городом на каменистом склоне, вблизи от крайних домов, их принялись рубить шашками³⁹. Убийства совершались в течение шести суток из чувства мести, на основе доносов местных жителей. По меткому выражению одного из очевидцев, «вся подлость человеческая в эти дни показала свое лицо»⁴⁰. По мнению В. А. Шулдякова, с одной стороны, это была месть за пережитые испытания и потери, с другой — забота о местном населении, которое встретило повстанцев с радостью, а затем, получив известие, что они уйдут дальше, почувствовало безнадежное отчаяние и страх. Оставшиеся в живых коммунисты могли дать свидетельства против городских обывателей после ухода Народной дивизии⁴¹. В ходе изучения архивно-следственного дела генерала А. С. Бакича новосибирские историки Д. Г. Симонов и А. И. Савин установили точное количество жертв уголовно-повстанческого террора в Каркаралинске: в период с 6 по 13 апреля 1921 г. повстанцами были убиты 58 коммунистов и 12 беспартийных; еще около 100 чел., в том числе около 50 красноармейцев, ушли из города вместе с повстанцами⁴². Данная цифра подтверждается и в списке партийных работников Каркаралинска, погибших весной 1921 г., подписанном ответственным секретарем Каркаралинского укома РКП(б) Рязанцевым. Кроме того, ушли с повстанцами коммунисты Н. Цеслинская, В. Хаумов, А. Калчанов, Дьяконова, Быков⁴³.

Во время допроса командир Народной дивизии полковник С. Г. Токарев дал оправдательные показания: «Арестами и расстрелами руководила Следственная комиссия под председательством Капустина и коменданта города Гноевых. По их словам, расстреляно было человек сорок. Особенными зверствами отличался отряд Новикова, который в подчинение мне почти не входил. Новиковым самовольно была освобождена Каркаралинская тюрьма. Я и Сизухин старались остановить расстрелы, но не могли повлиять на свой отряд, в особенности на Новикова»⁴⁴. В ходе дополнительных показаний 5 мая 1922 г. Токарев так характеризовал уголовно-бандитские действия Новикова и его отряда: «Командир партизанского отряда Новиков — уголовный преступник, сидевший в Петропавловской тюрьме за убийство девяти семейств в районе Петропавловска и за грабежи. Он был выпущен из тюрьмы повстанцами Ишимского уезда. Его отряд (состоявший из 30 чел.) отличался наибольшими зверствами. Как выяснилось впоследствии, уже в Шара-Суме, Новиков во время восстания и отхода за границу занимался грабежом и убивал не только коммунистов, но просто обывателей с целью грабежа. Новиков был убит в одном из боев после ухода отряда с Эмиля»⁴⁵. Тем самым криминальная стихия стала спутником повстанческого движения.

«Террор темной, страшной в своем бунте крестьянско-казачьей массы был стихийным, взрывным, а потому импровизированным»⁴⁶, — подчеркивает исследователь сибирского казачества В. А. Шулдяков. Согласно его точке зрения, коммунистический террор не являлся столь изуверским, но приобрел тотальный характер.

Итак, рост протестного насилия в повстанческом движении приводил к различным формам экстремистско-террористической деятельности, к социально-психологическому состоянию страха, сменяемого ужасом; главной целью было не только осуществить жестокие акты мести, но и запугать как противника, так и мирное население, находившееся в тылу противоборствующих группировок.

Охваченные ненавистью повстанцы разгромили волостные учреждения здравоохранения, культурно-просветительной работы, сельские школы, библиотеки, лечебницы, кооперативы; подверглись жестоким издевательствам и были убиты представители сельской интеллигенции, учителя, фельдшеры⁴⁷. Так, по воспоминаниям Е. В. Марденской, всех учителей Частоозерской волости Ишимского уезда повстанцы собрали в школу. Войдя в один из классов, они увидели виселицу. Учителей посадили за парты, и пять человек здесь же были повешены⁴⁸. Одним из убитых повстанцами в селе Калмакском Бердюжской волости был выходец из бедноты, 23-летний учитель, комсомолец С. П. Ослин⁴⁹. Так осуществлялась коллективная ответственность, характерная для Гражданской войны.

В рамках советской историографии масштабы повстанческого террора в ходе Западно-Сибирского мятежа 1921 г. оценивались в 5000 убитых партийных и советских работников⁵⁰. Современным исследователям еще предстоит скрупулезная, кропотливая работа по выявлению действительных жертв и потерь противоборствовавших группировок.

Ответной реакцией местных коммунистических ячеек стали расстрелы добровольно явившихся повстанцев в различных волостях Западной Сибири⁵¹. Симптоматично, например, что жительница дер. Карьково Пегановской волости Ишимского уезда Евдокия Уросова в своем заявлении, называя конкретных исполнителей убийства местных коммунистов и сочувствующих им, настойчиво требовала: «Прошу изъять из Советской Республики этих кровожадных зверей, которые убили моего мужа и старика Бахтиярова, 70 лет, который 17 лет пас овец и любил читать газеты, и за это и был убит»⁵².

С ростом боевых поражений и потерь, неизбежным распадом под ударами регулярных частей Красной армии повстанческое движение уже к лету — осени 1921 г. принимало все более уголовно-бандитские формы. Особенно это было характерно для болотисто-лесистой, северной части Ишимского уезда, где действовали бандитские шайки численностью от 30 до 60 чел., которые, совершая внезапные набеги, пытались осуществлять насильственную мобилизацию населения, уничтожали местную власть, милицию, коммунаров и членов их семей, захватывали продовольствие, в том числе собранное по продналогу⁵³.

Отдельные бандформирования, являвшиеся осколками повстанческого движения, действовали на территории Западной Сибири до поздней осени 1922 г. Так, в сентябре 1922 г. в лесах Мокроусовской волости Ялуторовского уезда скрывалась банда под командованием бывшего штабс-капитана Герасимова и пяти офицеров (общей численностью не более 30 чел.), вооруженных берданками. Целью банды являлась связь с сочувствующими местными жителями для организации восстания⁵⁴. Однако, по данным разведки частей особого назначения, под влиянием голода бандитизм в регионе постепенно затухал и принимал скрытый характер⁵⁵.

Итак, террор в период повстанческого движения 1921 г. был тесно взаимосвязан с политическим и уголовным бандитизмом. Являясь во многом стихийным порождением репрессивных мер политики военного коммунизма, углублением крестьянского протеста, а также следствием нравственной деградации участников восстания и их деструктивной деятельности, он отличался стихийностью, неуправляемостью, экспрессивностью и невиданной жестокостью, принял изуверские, садистские формы.

По мнению историка Н. Н. Фирсова, изучавшего пугачевщину, «психология народного мятежа — страшная психология. Чувства ненависти и мести, воспитанные в народной психике бесконечным рядом лет бесправия, произвола, унижений и всяческого гнета... становятся внезапно активными, действующими психическими силами, лишь только хотя бы на миг один коллективному сознанию низших слоев населения представится, что пришло, наконец, время, когда можно покончить и со страданием вековым, и с вековым рабством народа»⁵⁶.

¹ См., напр.: *Померанцев П.* Красная армия Сибири на внутреннем фронте (Борьба с восстаниями в тылу за 1920–1922 гг.) // *Красная армия Сибири.* 1923. № 3–4. С. 90; *Корущин Т. Д.* Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917–1926). Ишим, 1926; *Сидоров П.* Курганское восстание в январе 1921 г. (по личным воспоминаниям)

// Пролетарская революция. 1926. № 6 (53). С. 93–109; *Богданов М. А.* Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961; *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. Кн. 2. 3-е изд., доп. М., 1980; *Лагунов К. Я.* Двадцать первый. Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991; Сибирская Вандея. 1920–1921. Документы: в 2 т. / под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. И. Шишкин. М., 2001; *Курышев И. В., Гривенная Л. А.* Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы Гражданской войны (1918–1921). Ишим, 2010; и др.

² Цит. по: За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сб. документов / сост. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2000. С. 639–640.

³ См., напр.: *Васильев С. В.* Усмирение // Тюменский комсомолец. 1990. 11 нояб. № 131; *Шангин М. С.* Ни креста, ни камня. Омск, 1997; *Проскурякова Н. Л.* Колочий январь двадцать первого. Три очерка о восстании и его лидерах // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Вып. 8. Ишим, 2006. С. 32–48.

⁴ *Посадков А. Л., Гильди Л. А.* Печать и книжное дело в Сибири в условиях «военного коммунизма». Конец 1919–1921 г. Новосибирск, 1987. С. 70–71.

⁵ Управление имущества и земельных ресурсов г. Ишима. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учета и использования архивных документов (далее — Архивный отдел УИиЗР г. Ишима). Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 31–34.

⁶ Там же. Л. 31 об.

⁷ Там же. Л. 33 об.

⁸ Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1 об.

⁹ *Шишкин В. И.* К вопросу о новой концепции Западно-Сибирского мятежа // Двадцать первый. Красная весна: антология архивных и исследовательских материалов о Западно-Сибирском восстании 1921 г. / ред.-сост. Г. А. Крамор. Ишим, 2021. С. 38.

¹⁰ *Дьячков В. Л.* Социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. Март. С. 136.

¹¹ Архивный отдел УИиЗР г. Ишима. Ф. 144. Оп. 1. Д. 151. Л. 104.

¹² Сектор по делам архивов администрации Сладковского района Тюменской обл. Ф. 118. Оп. 14. Д. 1. Л. 9–10.

¹³ *Штырбул А. А.* Сибирская трагедия 1921 г.: восстание, которого могло не быть // Национальные приоритеты России. 2021, № 1 (40). С. 24.

¹⁴ *Петруничев Б.* Вешали вверх ногами // Серп и молот (Ишим). 1928. 22 февр. № 23.

¹⁵ Сибирская Вандея. 1920–1921. Т. 2. С. 710.

¹⁶ За советы без коммунистов. С. 423; *Шулинин С. В.* Западно-Сибирское восстание в Обдорске и волости: события и люди. Омск, 2020. С. 81–82, 186, 190, 229.

¹⁷ Цит. по: *Лагунов К. Я.* Двадцать первый... С. 79.

¹⁸ *В-ч И. Я.* Зверства бандитов (село Аромашевское) // Серп и молот (Ишим). 1921. 14 мая. № 30 (105).

¹⁹ Архивный отдел УИиЗР г. Ишима. Ф. 703. Оп. 1. Д. 103. Л. 27 об.

²⁰ Государственный архив социально-политической истории Тюменской обл. (ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 76.

²¹ *Макарова Т.* Скорбные дни 1921 г. URL: <https://elib.skolib.kz/коллекции/архивы-североказахстанских-краеведов/макарова-т-в/макарова-т-скорбные-дни-1921-года-мой-город-2006-1-с-24-27.html> (дата обращения: 25.06.2024).

²² Архивный отдел УИиЗР г. Ишима. Ф. 138. Оп. 1. Д. 232. Л. 28.

²³ Там же. Д. 204, 205.

²⁴ *Долгих В. Ф.* Выстрел из прошлого (документальный очерк) // Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны / под ред. И. В. Курышева. Ишим, 2018. С. 309–311.

²⁵ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 129–134.

²⁶ *Корушин Т. Д.* Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917–1926). Ишим, 1926. С. 36.

²⁷ Зверства бандитов // Сибирский красноармеец: орган политического управления Сибири (г. Омск). 1921. № 8. 18 мая.

- ²⁸ Сибирская Вандея. 1920–1921. Т. 2. С. 603.
- ²⁹ К. Бандиты и коллективы // *Серп и молот*. 1921. № 135. 23 авг.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Генералова Н. А.* Из «Искрь» возгорится пламя... Трагическая судьба коммуны в селе Клепиково // *Двадцать первый*. Красная весна. С. 209.
- ³² В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны / под общ. ред. П. И. Рощевского. Тюмень, 1957. С. 53.
- ³³ Архивный отдел УИИЗР г. Ишима. Ф. 82 сч. Оп. 1. Д. 2. Л. 523.
- ³⁴ Там же. Ф. 140. Оп. 1. Д. 276. Л. 443–456.
- ³⁵ Там же. Л. 453.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Л. 445–456.
- ³⁸ Дело генерала Бакича: сб. документов и мат-лов / отв. ред. Д. Г. Симонов, А. И. Савин. Новосибирск, 2022. С. 212.
- ³⁹ Архив президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 811. Оп. 3. Д. 6. Л. 2.
- ⁴⁰ *Алферов В.* Пир стервятников // *Октябрь в Казахстане*. Очерки и рассказы участников гражданской войны. Алма-Ата, 1930. С. 206.
- ⁴¹ *Шулдяков В. А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. Кн. 2. М., 2004. С. 311.
- ⁴² Дело генерала Бакича. С. 212.
- ⁴³ АПРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.
- ⁴⁴ Дело генерала Бакича. С. 212.
- ⁴⁵ Там же. С. 214.
- ⁴⁶ *Шулдяков В. А.* Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 2. С. 297.
- ⁴⁷ Архивный отдел УИИЗР г. Ишима. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 59 об.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 703. Оп. 1. Д. 103. Л. 47 об.
- ⁴⁹ ГАСПИТО. Ф. П-46. Оп. 1. Д. 501. Л. 136 об. — 137.
- ⁵⁰ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. М., 1987. С. 215.
- ⁵¹ ГАСПИТО. Ф. 1. Д. 238. Л. 99–102; Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть: сб. документов и мат-лов. Томск, 1997. С. 147.
- ⁵² Архивный отдел УИИЗР г. Ишима. Ф. 82 сч. Оп. 1. Д. 2. Л. 120.
- ⁵³ *Ефимов.* Налет бандитов // *Серп и молот (Ишим)*. 1921. № 155. 22 окт.; Архивный отдел УИИЗР г. Ишима. Ф. 755. Оп. 1. Д. 34. Л. 7; Д. 2. Л. 8; Д. 4. Л. 9.
- ⁵⁴ Там же. Д. 2. Л. 14.
- ⁵⁵ Там же. Л. 11 об.
- ⁵⁶ *Фирсов Н. Н.* Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд. М., 1921. С. 114–115.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2023 г.

Рекомендована к печати 27 декабря 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Курышев И. В. Повстанческий террор в период Западно-Сибирского восстания 1921 года // *Новейшая история России*. 2024. Т. 14, № 2. С. 333–345.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.206>

Аннотация: В статье рассматривается такой дискуссионный, вызывающий споры аспект Западно-Сибирского восстания 1921 г., как репрессивно-террористическая деятельность мятежников по отношению к представителям и сторонникам коммунистической власти на местах, членам их семей, сельской интеллигенции. Автор делает попытку охарактеризовать формы этой деятельности, ее направленность, социально-психологические и нравственные мотивы. С позиций теории относительной депривации рассматриваются мотивы возникновения протестных настроений крестьянства,

перераставших в различные формы агрессии, насилия, террористической деятельности со стороны наиболее активных участников антикоммунистического повстанческого движения. В работе описываются симптоматичные жестокие, кровавые пытки и расправы, которым подвергались партийные и советские работники на местах, сотрудники продовольственных органов, милиции, представители сельской интеллигенции. Наиболее страшный удар приняли на себя сельские коммуны, что было вызвано яростным неприятием коллективистской морали и психологии со стороны зажиточного сибирского крестьянства. В статье показаны трагические последствия жестокого и неуправляемого, стихийного и эмоционального повстанческого террора; при этом чувства ненависти и мести по отношению к коммунистической власти и ее представителям на местах носили долговременный характер. На основе обнаруженных в региональных архивах документов приведены факты, характеризующие деградацию и нравственный упадок повстанческого движения. Автор указывает на длительный характер антикоммунистических настроений в крестьянской среде. Это обстоятельство привело, в частности, к волнениям, направленным против советской власти, вспыхнувшим в Сорокинском районе Ишимского округа Уральской области в марте 1930 г. Дается общая оценка масштабов и последствий повстанческого террора в Западной Сибири, ставшего и ответной реакцией на социальную депривацию эпохи военного коммунизма, и порождением нравственной деформации сознания его участников.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, террор, депривация, коллективная ответственность, повстанцы, коммунисты, ненависть, бандитизм.

Сведения об авторе: *Курышев И. В.* — канд. ист. наук, доц., Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова — филиал Тюменского государственного университета (Ишим, Россия); ivkishim2019@mail.ru

Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова — филиал Тюменского государственного университета, Россия, 627750, Ишим, ул. Ленина, 1

FOR CITATION

Kuryshv I. V. 'Insurgent Terror during the 1921 West Siberian Uprising', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 2, 2024, pp. 333–345. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.206> (In Russian)

Abstract: The article considers such a controversial aspect of the West Siberian uprising of 1921 as the repressive and terrorist activities of the rebels towards representatives and supporters of the communist authorities on the ground, members of their families and rural intelligentsia. The author makes an attempt to characterize its forms, orientation, socio-psychological and moral motives. The motives for peasants' protest sentiments, which grew into various forms of aggression, violence and terrorist activities by the most active anti-communist insurgents, are viewed from the standpoint of the theory of relative deprivation. The paper describes the symptomatic cruel, bloody torture and reprisals suffered by party and Soviet workers on the ground, food suppliers, policemen and representatives of the rural intelligentsia. The most terrible blow was dealt to the rural communes, which was caused by the outright rejection of collectivist morality and psychology by the prosperous Siberian peasantry. The article shows the tragic consequences of brutal, uncontrolled, spontaneous and emotional insurgent terror. The feelings of hatred and revenge towards the communist government and its representatives on the ground were long-term. On the basis of the documents from the regional archives, the author presents the facts characterizing the degradation and moral decline of the rebel movement, pointing out the long-term nature of anti-communist sentiments in the peasant community. This circumstance in particular led to a rebellion against the Soviet authorities, which broke out in the Sorokinsky area of the Ishim district of the Ural region in March 1930. The article gives a general assessment of the scale and consequences of the insurgent terror in Western Siberia, which became a backlash against the social deprivation of war communism period and a product of the moral degradation of its participants' conscience.

Keywords: Civil War, Russia, terror, deprivation, collective responsibility, insurgents, Communists, hatred, banditry.

Author: Kuryshev I. V. — PhD in History, Associate Professor, P. P. Yershov Ishim Pedagogical Institute — branch of Tyumen State University (Ishim, Russia); ivkishim2019@mail.ru

P. P. Yershov Ishim Pedagogical Institute — branch of Tyumen State University, 1, ul. Lenina, Ishim, 627750, Russia

References:

- Alferov V. 'Vulture feast', *Oktyabr' v Kazakstane. Ocherki i rasskazy uchastnikov grazhdanskoi voiny* (Alma-Ata, 1930). (In Russian)
- Bogdanov M. A. *Defeat of the West Siberian Kulak-Socialist Revolutionary rebellion of 1921* (Tyumen, 1961). (In Russian)
- Civil war and military intervention in the USSR: encyclopedia*, ed. by S. S. Khromov (Moscow, 1987). (In Russian)
- Dolгих V. F. 'Shot from the past (documentary essay)', *Krest'ianskii protest v Sibiri v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny*, ed. by I. V. Kuryshev, pp. 309–311 (Ishim, 2018). (In Russian)
- Dyachkov V. L. 'Socio-demographic factors of growth of peasant aggression in the first third of the 20th century. (Tambov case)', *Istoriya i sovremennost'*, no. 1, March, 2014, pp. 128–141 (In Russian)
- Firsov N. N. *Pugachevshchina. Experience of sociological and psychological characteristics*, 2nd ed. (Moscow, 1921). (In Russian)
- For councils without communists: Peasant uprising in the Tyumen province. 1921*: Collection of documents, comp. by V. I. Shishkin (Novosibirsk, 2000). (In Russian)
- General Bakich case. Collection of documents and materials*, eds D. G. Simonov, A. I. Savin (Novosibirsk, 2022). (In Russian)
- Generalova N. A. 'The "Spark" will kindle a flame... The tragic fate of the commune in the village of Klepikovo', *Dvadsat' pervyi. Krasnaia vesna: Antologiya arkhivnykh i issledovatel'skikh materialov o Zapadno-Sibirskom vosstanii 1921 goda*, ed. by G. A. Kramor, pp. 206–209 (Ishim, 2021). (In Russian)
- Golinkov D. L. *The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR*, in 2 vols, vol. 2, 3rd ed. (Moscow, 1980). (In Russian)
- In the struggle for power of the Soviets. Memoirs of participants in the October Revolution and Civil War*, ed. by P. I. Roshchevsky (Tyumen, 1957). (In Russian)
- Korushin T. D. *Days of revolution and Soviet construction in Ishim district (1917–1926)* (Ishim, 1926). (In Russian)
- Kuryshev I. V., Grivennaya L. A. *Socio-psychological appearance and protest movement of the peasantry of Western Siberia and Northern Kazakhstan during the Civil War (1918–1921)* (Ishim, 2010). (In Russian)
- Lagunov K. Ya. *Twenty-first. Chronicle of the West Siberian peasant uprising* (Sverdlovsk, 1991). (In Russian)
- Pomerantsev P. 'Red Army of Siberia on the internal front (Struggle against uprisings in the rear for 1920–1922)', *Krasnaia Armia Sibiri*, no. 3–4, 1923, pp. 84–95. (In Russian)
- Posadskov A. L., Gildi L. A. *Press and book business in Siberia in the conditions of "war communism". The end of 1919–1921* (Novosibirsk, 1987). (In Russian)
- Proskuryakova N. L. 'Prickly January twenty-first. Three essays on the uprising and its leaders', *Korkina sloboda. Kraevedcheskii al'manakh*, vol. 8, pp. 32–48 (Ishim, 2006). (In Russian)
- Shangin M. S. *No cross, no stone* (Omsk, 1997). (In Russian)
- Shishkin V. I. 'On the issue of a new concept of the West Siberian rebellion in Dvadsat' pervyi', *Krasnaia vesna: Antologiya arkhivnykh i issledovatel'skikh materialov o Zapadno-Sibirskom vosstanii 1921 goda*, ed. by G. A. Kramor, pp. 36–40 (Ishim, 2021). (In Russian)
- Shtyrbul A. A. 'The Siberian tragedy of 1921: An uprising that may not have happened', *Natsional'nye priorityety Rossii*, no. 1 (40), 2021, pp. 19–27. (In Russian)
- Shuldyakov V. A. *The death of the Siberian Cossack army. 1920–1922*. Vol. 2. (Moscow, 2004). (In Russian)
- Shulinin S. V. *West Siberian uprising in Obdorsk and volost: Events and people* (Omsk, 2020). (In Russian)
- Siberian Vendée. 1920–1921. Documents*, vol. 2, ed. by A. N. Yakovlev; comp. by V. I. Shishkin (Moscow, 2001). (In Russian)
- Sidorov P. 'Kurgan uprising in January 1921 (according to personal memoirs)', *Proletarskaia revoliutsiia*, no. 6 (53), 1926, pp. 93–109. (In Russian)

Received: October 16, 2023

Accepted: December 27, 2023